И светлых нив простор, приют свободы мирной,
Не будет для него темницею обширной» [40].

Даже в нелегальном стихотворении Вяземский возлагал надежды не только на просвещение, но и на Александра I:

Умы воспламенит ко благу пламень новый.
К престолу истина пробьет отважный ход.
И просвещение взаимной пользы цепью
Тесней соединит владыку и народ...

О царь! Судьбы своей призванию внемли.
И Александров век светилом незакатным
Торжественно взойдет на Русский небосклон,
Приветствуя, как друг, сияньем благодатным
Грядущего еще не пробужденный сон [41].

Но даже это весьма умеренное либеральное стихотворение вызвало возмущение фамусовской Москвы. Оппозиция справа, крепостники, воспринявшие варшавскую речь царя как обещание даровать свободу крепостным, обрушились на Вяземского. Поэт, находясь в Москве, писал А. И. Тургеневу 26 декабря 1818 г.: «Что я здесь слышу за толки, что за вести! Как ругают «Петербург»! Как ругают «Теорию налогов»! (книгу Н. Тургенева.— *В. П.*). Про меня говорят, что я писал эти стихи по высочайшему повелению и продал свою дворянскую душу за чин и за рескрипт» [42]. В этих условиях даже выражение надежд на «освобождение сверху» означало и борьбу с консерваторами. Все это, безусловно, учитывал Тургенев, а под его влиянием и Пушкин в «Деревне».

На первый взгляд, для автора политических эпиграмм на Александра I и Аракчеева это умеренное в политических требованиях стихотворение кажется несколько неожиданным.

Вероятно, если бы Пушкин выражал только собственную позицию, «Деревня» была бы резче, радикальнее. Но в том-то и дело, что поэт писал по просьбе Н. И. Тургенева и расставил политические акценты по-тургеневски, полагая, что выполняет волю тайного общества. Пушкинское стихотворение — антикрепостническая стихотворная прокламация. И хотя он, как и Вяземский, возлагает некоторые надежды на царя, эти надежды переплетаются у него с явными сомнениями:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя....?

Это вопрос, а не утверждение. И в нем отразилось появление скептического отношения как Тургенева, так и Союза Благоденствия не только к реальной возможности освобождения крестьян «сверху», но и к легальным возможностям вообще.

Скепсис Пушкина тем очевиднее, что строки полемически заострены против сентенции Жуковского в послании Александру I (1814).

Воззри на Твой народ, простертый пред Тобою...
Преобразованный, исполнен жизни новой,
*По манию Царя*, на все, на все готовой [43].

В 1818 г. стихотворение это было переиздано [44], и читатели, хорошо зная эти строки, легко могли увидеть полемическую направленность пушкинской мысли.

[40] Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, с. 277—278.
[41] *Вяземский П. А.* Избранные стихотворения. М., 1935, с. 14.
[42] Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, с. 180.
[43] Курсив мой.— *В. П.*
[44] Стихотворения Василия Жуковского, ч. I, изд. 2. СПб., 1818, с. 83.